

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 61–69.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 61–69.

Научная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-61-69

ВСТРЕЧА «ДВУХ РОССИЙ»: ПИСЬМА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ С ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (1942–1943)

Нина Борисовна Хайлова

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия, nkhalova@yandex.ru

 Аннотация. На основе архивных данных анализируется восприятие советской действительности русскими эмигрантами, оказавшимися в 1942–1943 годах в составе гитлеровской армии на оккупированной территории Украины и Белоруссии. Прослеживается динамика их взглядов и настроений, что приводило к новому пониманию задач эмиграции.

 Ключевые слова: русская эмиграция, немецко-фашистская оккупация территории СССР, эмигранты и советское население, переоценка роли эмиграции

© Хайлова Н. Б., 2023

Ссылка для цитирования: Хайлова Н. Б. Встреча «двух Россией»: письма русских эмигрантов в Чехословакии с оккупированных советских территорий (1942–1943) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 1. С. 61–69. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-61-69.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

MEETING OF THE “TWO RUSSIANS”:
LETTERS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN CZECHOSLOVAKIA
FROM THE OCCUPIED SOVIET TERRITORIES (1942–1943)

Nina B. Khailova

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
nkhailova@yandex.ru

Abstract. On the basis of archival data, the perception of Soviet reality by Russian emigrants who found themselves in the Nazi army in the occupied territory of Ukraine and Belarus in 1942–1943 is analyzed. The dynamics of their views and moods is traced, which led to a new understanding of the tasks of emigration.

Keywords: Russian emigration, Nazi occupation of the territory of the USSR, emigrants and the Soviet population, reassessment of the role of emigration

For citation: Khailova, N. B. (2023) “Meeting of the ‘Two Russians’: Letters of Russian Emigrants in Czechoslovakia from the Occupied Soviet Territories (1942–1943)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 61–69. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-61-69.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранится подшивка пражского издания русских эмигрантов «Циркулярные сообщения профессионального Союза русских инженеров и техников в Протекторате Чехия и Моравия». Исследователям доступны номера журнала за 1942–1944 годы (ГА РФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 112). Упомянутый Союз русских инженеров и техников был образован в мае 1940 года на автономной нацистской тер-

ритории, которую немецкое правительство считало частью Великого Германского Рейха. В кардинально изменившихся условиях, связанных с германской оккупацией Чехословакии, новая организация русских инженеров-эмигрантов сохраняла преемственность в целях с предшествующим объединением — Союзом русских инженеров и техников в Чехословакии (с 1921 года). Общие задачи сводились к тому, чтобы способствовать объединению русской технической интеллигенции для взаимной помощи и поддержки, обеспечивать защиту правовых, трудовых и культурных интересов членов Союза, помогать русской молодежи в получении образования. Работа неизменно велась под знаком «подготовки к широкой, национально-творческой деятельности в государственном масштабе у себя на Родине» (Там же. Л. 111). К маю 1943 года Союз насчитывал 630 членов и стал самым крупным эмигрантским профессиональным объединением не только в Протекторате, но и за его пределами (Там же)¹.

Население Протектората с самого начала было мобилизовано в качестве рабочей силы, которая должна была работать на победу Германии. Что касается русских эмигрантов, не принявших протекторатное подданство, то, согласно правительственному распоряжению, они не могли быть привлечены к работе на военные нужды, в том числе на оборонных предприятиях. На «бесподданных» рабочая повинность распространилась только осенью 1944 года в связи с Законом о всеобщей рабочей мобилизации.

Однако вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз русских эмигрантов — инженеров и техников — стали отправлять на оккупированные территории Украины и Белоруссии. Выдержки из их писем время от времени печатались в «Циркулярных сообщениях...» в рубрике «Письма оттуда». Востребованными оказались, в частности, специалисты по дорожному строительству. В одном из посланий сообщалось о том, что эмигранту было не так-то просто оказаться на Родине, чтобы принять участие в работе там. «Нужно бороться за право работать здесь, и это довольно трудно, а работники нужны», — писал в январе 1943 года «служащий на шоссе». Оказавшись в сельской глубинке, он извещал коллег по Союзу, что его деятельность не ограничивается узкопрофессиональными обязанностями: «Приходится быть в одном лице и доктором, и советником, и ветеринаром и т. д., и т. д.» (Там же. Л. 91 об.). Ему вторил коллега, приславший осенью 1942 года подробное письмо с Украины:

¹ У Союза были тесные контакты с эмигрантскими объединениями инженеров и техников в Германии, Франции, Словакии, Сербии, Хорватии, Венгрии.

Работы на 64-километровой² участке много, готовимся к зиме. Строим снеговые защиты, силос [погреба-хранилища] для картофеля (2 × 3000 т), дома для украинцев (с Волги или из Новосибирска) для 5000 человек, склады муки, зерна, сена и т. д. Дороги приводим в порядок от мин, колдобин, ям от взрывов и т. д. Это днем, а вечером прием и обход больных, так как в наших глухих деревнях нет врачей. Да, наверное, и не будет, так что мы, дорожные мастера лечим домашними средствами, собственными аспиринами и компрессами и наугад, без термометров, от всякого, начиная от зубной боли, ранений до воспаления легких. Пишем письма и т. д. Говорю во множественном числе. На деле это — я и коллега М. Мои сослуживцы, очень симпатичные и сострадательные баварцы, тоже хорошо относятся к населению, а оно к ним. Подробности здешней жизни описывать трудно: нужно пережить, — говорят, что уже седею. Сердце нужно здесь иметь крепкое, широкое и ласковое, а руку тяжелую, и голову в порядке, чтобы Вас бы не объехали на сострадании. Работа есть и будет много. Восстановление фактически не начато и будет требовать колоссальных усилий, а главное — перевоспитания людей. Самое трудное — это пробудить интерес к завтрашнему дню. Ибо все привыкли жить лишь сегодняшним днем. Инженеру всех специальностей нужно и терпение, и всесторонние знания, ибо на все — сам. Я вот уже и сельскохозяйственные постройки крестьянам проектировал, а теперь собираю лесопильную машину и строю лесопильный завод: все с двумя кузнецами, да с крестьянами с топорами.

(Там же. Л. 42 об.)

В некоторых письмах впечатления от первой встречи с Родиной спустя 20 лет после вынужденной эмиграции — на грани шока. «Год назад я, конечно, выражаясь образно, ходил, разинув рот, настолько все было новым и интересным», — замечает автор одного из посланий, отправленного из России в октябре 1942 года. К этому времени он уже «психологически оторвался от прежней [эмигрантской] жизни». Примечательно еще одно его признание: «Думаю, что если бы силой вещей я был бы вышвырнут за пределы родной земли, то пошел бы абсолютно на все, чтобы пробиться обратно. Вряд ли я выдержал там жить больше месяца. Не скрою, иногда хочется заскочить на недельку-другую к Вам, но это только из-за людей, из-за родных, но не из-за жизни, как таковой» (Там же).

Какой предстала перед эмигрантами Родина? Можно выделить наиболее повторяющиеся «картины» и размышления. Так, например, в ряде писем — тя-

² Здесь и далее во всех цитатах пояснения слов, упомянутых в оригинале, принадлежат автору настоящей статьи и приводятся в квадратных скобках, расшифровка недописанных частей слов приводится в угловых скобках. — *Примеч. ред.*

желые впечатления от внешнего вида городов и деревень. И речь в них идет не только о военных разрушениях. Зачастую неприятно поражали особенности застройки, характерные бытовые приметы: «Дома очень старые, только масса новых казарм, сильно от войны, а также от самодеятельности, как здесь говорят, населения пострадавших. Во время боев население грабило все, что попало»; «Высоких каменных домов страшно мало, почти сплошь одноэтажные и двухэтажные домишки. Внутреннее их устройство отличается большими неудобствами и, с точки зрения строителя, просто глупостью. Бесконечные коридоры, общая кухня, общая уборная, отличительной чертой которой является то, что в раковину нельзя бросать бумагу, обязательно засорится. Везде грязно. Не только в квартирах, где жили рабочие и вообще люди малообразованные, но и там, где жила интеллигенция. Улицы в подавляющем большинстве немощеные. Пара улиц сохранила остаток асфальта»; «Деревня с виду превратилась в грязно-вшивое море. Солома на хатах погнила. Торчат балки. На улице грязь и мусор. Кажется все так неприглядно и гадко. Редко, редко встречаются чистенькие, опрятные деревушки» (Там же. Л. 15, 16 об., 17 об.).

Наблюдая за разными советскими типами людей, эмигранты отмечали стирание различий между социальными слоями. Характерны, например, такие признания: «Интеллигенции в нашем понимании нет»; «Вид советской интеллигенции ничем не отличается от вида рабочих. Разговор такой же, такие же выражения. Очень редко можно встретить человека, выделяющегося из массы. Это люди, главным образом, пожилые и молодежь, получившая хорошее домашнее воспитание» (Там же. Л. 15). «Чувствуется пролетаризация деревни», — замечал еще один корреспондент. «Стиль — гармошка, частушки, песни из фильмов, — описывал он крестьянские вечеринки. — Танцуют всякие польки и советизированные русские пляски с чечеткой и всякими коленами, раньше русской пляске неприсущими» (Там же. Л. 17).

Во многих письмах рассказывается об особенностях поведения советских людей, их отношении друг к другу и к самим эмигрантам. Читаем об этом у разных авторов: «Все подсоветские очень пронырливы и жизненны. Религиозные вопросы их интересуют весьма мало»; «Помогает мне здесь устраивать дела один москвич-шофер. Такого пройдоху я еще не встречал. Он достанет и принесет дословно все»; «Часто заходя в избу крестьянина, видишь хорошую картину или пальму, на вопрос — откуда? — запинаются и говорят, что, мол, подарок» (Там же. Л. 15, 17 об.). Вот еще — из опыта общения: «Народ хитер и скрытен, жаден на землю, что говорится, до чертиков и страшно эгоистичен»; «Исключительно сильно развито понятие собственности — только себе, за любую цену, даже за счет другого» (Там же. Л. 17, 31). «Эгоизм, вообще, повсемест-

ное явление, — отмечал другой эмигрант, — но, как ни странно, очень все гостеприимные и радушные». Он объяснял это противоречие так: «По-видимому, в людях сейчас борются две стихии: привитая советским режимом, вследствие перманентного обдирания населения, жадность и чисто русская черта — солидаризм и радушие. Безусловно, что, как только люди получают обеспеченное благосостояние, жадность и эгоизм начнут исчезать. Не быть же жадным, когда всего не хватает, очень трудно» (Там же. Л. 17), — простодушно рассуждал автор. С ним соглашался коллега, отмечавший, что «к эмиграции относятся добродушно, уважают ее, известная отчужденность все же есть. Все или почти все очень радушны, угощают, приглашают и т. д. Здесь очень принято ходить друг к другу в гости» (Там же. Л. 15).

Со временем некоторые эмигранты избавлялись от прежних стереотипов в восприятии соотечественников. Они с радостью отмечали перемену в своем настроении: изначальная отстраненность исчезала, заменяясь симпатией и сочувствием, ощущением глубинного «родства» с советским людьми. «Понемногу теперь у меня уже начинает создаваться определенное представление и не совсем совпадающее с прежним, — читаем в одном из писем 1942 года. — ...У меня, например, совершенно нет чувства, что мы друг друга не понимаем и что надо говорить на каком-то хамском языке. ...Там люди, по-моему, гораздо меньше говорили жаргоном, чем мы. Встречаются всякие: симпатичные и не-симпатичные, но это просто как человеческие типы. Меня всегда очень смешат некоторые письма, авторы которых сетуют на безграмотность подсоветского обывателя, а сами делают в слове из трех букв по четыре ошибки» (Там же).

К схожим выводам приходил и другой корреспондент, утверждавший, что грубость населения зачастую «только внешняя, напускная»: «Нет, далеко не умер русский народ. Он живет в глубине своей души. Нужно только поработать, и он стряхнет с себя этот ужасный моральный гнет. С первого взгляда кажется, что исковеркано все, и душа, и тело. И только когда внимательно присмотришься, узнаешь всю сущность» (Там же. Л. 17 об.). С ним соглашался автор, который особо подчеркивал, что, «живя в эмиграции, конечно, трудно понять здешнюю психологию»: «Чем дольше я здесь живу, тем больше становится она ясней» (Там же).

Эмигранты нередко пытались раскрыть глаза «подсоветским» соотечественникам на политику большевиков, при этом сталкиваясь с серьезным препятствием: «Патриотизм развит очень сильно, особенно в городе. К сожалению, проявляется это не так, как нужно»; «Советский дух исключительно сильно въелся в здешних людей» (Там же. Л. 17, 30 об.). В одном из писем приводится характерная иллюстрация: «Говорят, что частная инициатива нужна, но, напри-

мер, — говорила одна барышня, — представить себе магазины, отели с хозяевами она не может и даже в этом для нее есть что-то неприятное» (Там же. Л. 15).

Что обнадеживало эмигрантов, пытавшихся выступить в роли контрпропагандистов, так это «довольно сильно» развитое у советских людей «стремление к правде, справедливости» (причем что «дурман, в котором воспитывалась молодежь, засел в их сознании довольно крепко») (Там же. Л. 17). Вот как описана в одном из писем попытка «обратить в свою веру» одну из представительниц молодого поколения советской страны:

Пришлось мне наблюдать один переворот в душе. Девушка, лет около 20-ти, получившая чисто советское воспитание, никогда ни о чем не задумывавшаяся, принимающая советский шаблон за истину. Внешность и манеры мальчишеские. Когда я в первый раз покрыл «отца народов» и обозвал его дураком, это ее не только оскорбило, но она даже обиделась. Потом она часто бывала в нашей среде. Думаю, что больше всего на нее подействовала среда. Непривычная, чуждая ей, но вместе с тем обладающая чем-то совсем отличным от советской среды. Оказалось, что мы «хорошие ребята». Это ее искренне удивило, она очевидно все думала и приходила в тупик. Не такими она представляла себе эмигрантов. Потом пошло постепенное разоблачение советской власти, не сразу, исподволь. Не так говорили с ней, как она слушала разговоры между нами. «Россия в концлагере» [книга И. Л. Солоневича] ее захватила целиком и произвела большое впечатление. Ну, а когда стала открываться перспектива будущего, у нее началась в душе революция. Она продолжается еще и сейчас, так как от 20-летней привычки так сразу не оторвешься, но результат внутренней борьбы ясен. Совсем не то с людьми, которые и сидели, и были репрессированы властью, и ненавидят эту власть всей душой. У них гораздо меньше стремления вперед, меньше стремления к правде, а больше ненависти. Первое, что нужно — чтобы молодежь оторвалась от старого и привыкла хоть немного к новому. К новому порядку, системе, стилю, печати и т. д. Ведь очень горько и больно признать собственную глупость и недалекость.

(Там же. Л. 17 об.)

Живая жизнь, конкретные ситуации сами подсказывали эмигрантам-инженерам, как надо выстраивать общение с советскими обывателями. Однако, чтобы помочь в этом деле коллегам, попавшим на «восток», для них была подготовлена специальная инструкция о том, как вести пропаганду в России (Там же. Л. 56–57 об.). Сложно судить об эффективности этой деятельности, однако что касается перемен в сознании самих эмигрантов, оказавшихся в силу

драматичных обстоятельств на исторической Родине, то они были весьма значительны. Письма этих людей свидетельствуют о серьезной переоценке роли эмиграции, переосмыслении содержания своей «реальной работы» для России.

Прежде всего в письмах тех, кто побывал на «востоке», присутствует мысль, а иногда прямой призыв к коллегам из числа «трудовой и честной» эмиграции «отдать себя почти монашески чистому служению Родине», то есть как можно быстрее оказаться там и начать действовать. «Ваше место давно здесь, в истерзанной и измученной земле, где все нужно сызнова начинать, где грех и святость, где хамство и идеал, где добро и зло, где знание и безграмотность действуют одновременно в одном и том же лице человека, — убежденно заявлял один из корреспондентов в январе 1943 года. — Розовых надежд строить нельзя: здесь все почернело от крови, чада коммунизма и обмана, и работы, честной, полон рот, — каждое слово, дело и помышление эмигранта взвешивается, перевешивается и, в зависимости от самого эмигранта, вся его работа или падет в грязь, или возбудит силы к жизни и борьбе за русское национальное дело» (Там же. Л. 91 об. — 92).

Что же касается политических деятелей эмиграции, то автор одного из писем фактически ставил на них крест, поскольку не верил в то, что эти люди способны изменить свое мировоззрение:

Положение эмиграции, собственно говоря, прямо трагическое. Ведь 20 лет эмигранты всех партий и оттенков считали, что Россия их ждет и что им будет принадлежать ведущая роль после падения большевиков или же в период новой борьбы с ними. Бесчисленное множество разных группировок — от самых реакционных до самых прогрессивных — были убеждены, каждая в отдельности, что именно она правильно постигла психологию подсоветского человека, выработала наиболее правильную идеологию и тактику и поэтому должна встретить в России полное сочувствие и успех, захватить власть и строить новую жизнь. 20 лет прошло в созидании программ, идеологий, тактик, мирозерцаний. Но все создавалось людьми, оторванными от России, не знающими психологии ее и жизни, да, кроме того, в рядах эмиграции не оказалось ни русского Муссолини, ни русского Гитлера... Для большинства наших «вождей» — политика была вопросом кормежки и поэтому они ориентировались не столько на Россию, сколько на власть имущие круги стран своего пребывания, усиленно черпая субсидии, собирая даяния: в одной стране — для работы демократической партии, долженствовавшей превратить будущую Россию в демократическую республику, в другой — на монархическую работу для создания Императорской России. Поэтому эмигрантские партии и не могли распро-

страниться на всю эмиграцию, — если партия поддерживалась в тоталитарном государстве, то ее запрещали в демократическом, и наоборот. Младороссы пытались сидеть на двух стульях — поддерживать славянские идеалы в бывшей Чехословакии в расчете на куш от Крамаржа и германофильские идеалы в Германии, тоже из соответствующих расчетов, приветствовали одновременно — в бывшей ЧСР признание СССР, а в бывшей Югославии непризнание СССР. Доморощенные политики из недоучившихся гимназистов добились лишь того, что им перестали верить и тут и там, и они постыдно провалились, несмотря на много благоприятных данных, но все-таки известное количество вождей сумело благодаря политике в течение ряда лет обеспечить свое существование.

Но вот начались события 1941 г. И все эмигрантские надежды рухнули как карточные домики. События начались и продолжаются без участия эмиграции...

Задачей эмиграции может быть только подготовка, объединение и сохранение технических и культурных сил для восстановления России, создание профессиональных союзов — беспартийных и аполитичных, конечно, с национально антимарксистским оттенком. Это и будет «реальной работой»...

(Там же. Л. 18–18 об.)

Очевидно, что в письмах русских эмигрантов с оккупированных советских территорий отразился главный результат «встречи двух Россией» — их взаимное узнавание и шаги навстречу. Кроме того, проявилось осознание тупиковости предшествующей политической деятельности русского зарубежья. Рождалось новое понимание задач эмиграции.

Информация об авторе: Нина Борисовна Хайлова — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Адрес: Российская Федерация, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Information about the author: Nina B. Khailova — DSc in History, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Address: 9 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117036, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 26.12.2022;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.